

Становление и развитие адвокатуры Пермской губернии (1874-1917)

Скоро исполнится 150 лет Судебным уставам 1864 года, вошедшим в историю как великая судебная реформа.

Спустя 10 лет на Урале были учреждены новые судебные органы, а с ними и присяжная адвокатура. Высочайшим повелением 1 сентября 1874 г. в торжественной обстановке открылись окружные суды в Екатеринбурге и Перми. То, что мы наблюдаем сегодня, удивительно схоже с тем, что происходило «тогда», возникает ощущение абсолютной современности давно, казалось бы, ушедшего. Мы обратимся к истории становления и развития адвокатуры в Пермской губернии в 1874-1917 гг.: образование Пермского окружного суда, деятельность адвокатов в суде присяжных, деятельность Совета присяжных поверенных при Казанской судебной палате и участие адвокатов в политической жизни.

Образование Пермского окружного суда и первые адвокаты

В XIX веке под адвокатурой в узком смысле было принято понимать правозаступничество, а в более широком смысле - совмещение правозаступничества с судебным представительством. В правящих кругах Российской Империи всегда существовало стойкое неприятие института адвокатуры, что было вызвано рядом причин. В России язык права по существу мало отличался от обыденного народного языка. Екатерина II, например, считала, что если законы русские писаны таким языком, что понятны всем, и даже посредственному уму, зачем же тогда в России нужны адвокаты? Николай I видел в адвокатах врагов государственного строя. «А кто погубил Францию, как не адвокаты!» - говорил он.

Хотя императорский указ о введении в действие Судебных уставов был опубликован 20 ноября 1864 г., новые суды в России вводились вплоть до конца XIX в. Александр II высказывался за постепенное введение новых судебных учреждений. Таким образом, до 1873 г. в Пермской губернии правосудие осуществлялось в рамках судопроизводства, принятого еще Екатериной II. Судебная система была разделена на губернскую и уездную. К губернской системе относились Палата уголовных дел, Палата гражданского суда, совестной суд, верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа; к уездной - уездный суд, нижний земский суд, нижняя расправа. Место пребывания губернских судебных органов находилось в губернском городе Перми, а уездных - в городах Чердыни, Соликамске, Кунгуре, Осе, Оханске.

Уездные судебные органы являлись судами низшей инстанции. В уездном суде заседал судья и два заседателя, которые избирались местным дворянством и утверждались губернатором. В суде рассматривались гражданские и уголовные дела, а также поземельные споры. Причем поземельные вопросы решались на месте, где находились спорные межи и границы. Инициатива в возбуждении дела уездному суду не принадлежала, судебное разбирательство происходило по жалобе или иску частного лица, либо стряпчих (помощники прокурора), либо по настоянию иного судебного или вышестоящего административного органа.

Уездный суд окончательно решал малозначительные гражданские дела, цена иска которых была ниже 25 рублей. Недовольные решением суда могли передать дело на рассмотрение в вышестоящий Верхний земский суд. По уголовным делам уездный суд имел право на окончательное решение всех дел, за исключением тех, по которым подсудимые могли быть подвергнуты наказаниям в виде смертной казни, лишения дворянской чести или торговой казни. Уездный суд получал указы от Палат уголовного и гражданского суда и Верхнего земского суда и обращался к ним с рапортами. В Нижний земский суд (нижестоящий орган) уездный суд направлял указы и сообщения городничим.

Уездные суды подчинялись Верхнему Земскому Суду. Именно туда направлялись апелляции на решения уездных судов, жалобы и тяжбы дворян и на дворян, чиновников, гражданские и уголовные дела, а также дела, касающиеся вотчин, завещаний, права наследования, и исковые дела.

Верхний Земский суд решал дела мещан и государственных крестьян, которые по правилам апелляции направлялись из нижних судов в Верхний. Гражданские тяжбы суд мог окончательно решить при цене иска до 100 рублей. Недовольные решением суда стороны могли обращаться в вышестоящую судебную инстанцию - гражданскую палату.

Уездный суд собирался 3 раза в год при условии, если не возникали «дела чрезвычайные». Первое заседание начиналось 8 января и продолжалось до страстной недели, то есть за неделю до Пасхи, второе после Троицына дня до 27 июня и третье от 2 октября по 18 декабря. Самой короткой была летняя сессия. Чтобы не затягивать рассмотрение судебного дела, судьям предписывалось завершать дела в один срок, например, от 2 октября до 18 декабря. В первую очередь это касалось тех дел, где обвиняемые находились под стражей.

Верхний Земский суд разделялся на два департамента: первый занимался уголовными делами, а второй гражданскими. В каждом из департаментов заседали один председатель и 5 заседателей. В Верхний Земский суд выносились апелляции на решения уездных судов, дворянской опеки и Нижних Земских судов. Верхний Земский суд был всеобщим: здесь рассматривались дела как дворян и чиновников, так и разночинцев. По гражданским делам Верхний суд мог окончательно разрешать тяжбы при цене иска до 100 рублей, в остальных случаях дела передавались в Палату Гражданского суда. Все уголовные дела проходили обязательную ревизию в Палате Уголовного суда.

Новая судебная система, основанная на Судебных уставах 1864 г., вводилась постепенно. Сначала в 1873 г. на основании Указа Его Императорского Величества были закрыты уездные суды, введены мировые судебные учреждения и тогда же была образована из Пермской Гражданской палаты и Уголовной палаты - Палата Соединенная, в которую были переданы для разрешения по первой инстанции дела из бывших уездных судов. «В течение первой половины 1873 г. приступить к введению мировых судебных установлений в губернии Пермской и в уездах Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Вельском и Тотемском Вологодской губернии... При сем предоставить Министру Юстиции сделать распоряжение о закрытии уездных судов не позже 2-х месяцев со дня открытия мировых судебных установлений» [1].

Первый председатель Пермского Окружного суда А.В. Лебедев высоко оценил деятельность Соединенной Палаты в деле «успешного перехода в Пермской губернии от старого к новому суду», отмечая в числе ее достижений более быстрое и качественное рассмотрение дел, аккуратность в производстве.

Соединенная Палата просуществовала недолго. Уже 2 августа 1874 г. выходит Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, и Правительствующего Сената о том, что временем открытия Пермского и Екатеринбургского окружных судов назначить 1 сентября 1874 г. Указ поступил в Пермь 16 августа 1874 г., а 2 августа губернатор писал председателю суда Лебедеву: «Г. Министр Юстиции от 20 сего июля уведомил меня, что введение в действие судебных уставов в полном их объеме в Пермской губернии назначено 1-го сентября сего года, и что открытие Пермского Окружного Суда возлагается на Ваше Высокородие. Об этом имею честь сообщить Вашему Высокородию» [2].

В намеченный день Пермский окружной суд, состоящий из Гражданского и Уголовного отделений, был открыт. Высочайшим повелением в Пермской губернии были образованы 2 судебных округа: Пермский и Екатеринбургский. Екатеринбург, хотя и был крупным городом, но входил в состав Пермской губернии и считался уездным.

Пермский журналист А.Н. Скучарев, приехавший из Екатеринбурга в самом начале XX века поместил в «Пермских губернских ведомостях» фельетон «Пермь и Екатеринбург: Монтекки и Капулетти». Он писал: «Пермь, считая себя во главе губернии, смотрит на Екатеринбург свысока, а Екатеринбург считает себя столицей Урала и уверен, что он в составе Пермской губернии по недоразумению... И между городами полнейший антагонизм» [3].

В Перми торжественное открытие окружного суда состоялось 1 сентября 1874 г. Как отмечала пресса, «представители городского общества и управления поднесли в дар суду икону Спасителя в серебряной позлащенной ризе», а в зале Благородного собрания был дан обед, во время которого «пел хор певчих».

В ведении Пермского окружного суда состояли суды Красноуфимского, Кунгурского, Осинского, Оханского, Пермского, Соликамского и Чердынского уездов. Работу окружного суда возглавлял председатель суда, у которого были два товарища (заместителя). В составе суда было 9 членов, которые вели судебные заседания и принимали решения, судебные следователи, чины прокурорского надзора, судебные приставы, рассыльные и нотариат. Кроме того, в штат суда входили 3 секретаря, 7 помощников секретарей и архивариус.

Пермский окружной суд располагался в большом по тем временам здании, в трехэтажном доме на углу Вознесенской (Луначарского) и Красноуфимской (Куйбышева) улиц. В настоящее время - это главный корпус Пермской Государственной Медицинской Академии. Первым председателем суда был назначен А.В. Лебедев, его товарищами (заместителями) по уголовному отделению барон А. А. Медэм, по гражданскому отделению - Г.И. Красовский. В 1877 году Пермский окружной суд возглавил барон А.Н. Зальца.

К моменту создания Пермского окружного суда присяжной адвокатуры в округе суда фактически не существовало. Даже через 13 лет, в 1887 году, при Пермском окружном суде было 8 присяжных поверенных, в то время как в Екатеринбурге их было уже 14 [4].

Порядок поступления в число присяжных поверенных применительно к Пермской губернии был следующий. Желая стать присяжным поверенным, должен был подать прошение в Пермский Окружной суд. В этом прошении претендент должен был объяснить в каком именно городе он избирает себе место жительства (имелся в виду округ Пермского Окружного суда), а также, что нет никаких препятствий, обозначенных Учр. Суд. Уст., а в случае, если в дальнейшем таковые будут обнаружены, то он подлежит не только исключению из числа присяжных поверенных, но и преданию суду. К прошению прилагались документы, необходимые для удостоверения в том, что проситель удовлетворяет условиям, требуемым для поступления в присяжные поверенные.

После получения, указанного прошения, Пермский Окружной суд делал запрос на имя Пермского губернатора и окружного прокурора на предмет характеризующих личность данных. По представлению этих данных суд рассматривал прошение по существу, и постановлял: либо удовлетворить прошение, либо отказать.

Например, в 1875 г. Пермский Окружной суд по общему собранию отделений под председательством председателя суда А.В. Лебедева, пяти членов суда, при секретаре и с участием прокурора суда рассматривал дело об отставном потомственном дворянине титулярном советнике Н.И. Грацинском. Грацинский подал прошение об утверждении его присяжным поверенным, при

этом представил аттестат и свидетельство съезда Мировых судей Соликамского уезда о его службе «из которого видно, что Грацинский тридцати восьми лет, православной веры, окончил со степенью кандидата юридические науки, находится в отставке, проходил вообще государственную службу с 1856 года в разных должностях и особенно по Министерству Юстиции в должности судебного следователя с 25 июня 1865 года по 4 февраля 1872 года и участкового мирового судьи с 11 октября 1873 года по 30 января 1874 года, - всего около семи лет, препятствий указанных в 355 ст. Учр. Суд. Уст. 20 ноября 1864 года, не имеет; сведения же, собранные о нем Г. Председателем Окружного суда от местных Губернатора и Прокурора, вполне удовлетворительны. В виду этих данных, Общее Собрание Окружного суда находит, что Грацинский отвечает всем условиям, необходимым для присяжного поверенного, а потому на основании 354 и 378 ст. Учр. Суд. Уст. признает возможным принять его в число присяжных поверенных Пермского округа. и выдать ему о принятии его присяжным поверенным надлежащее свидетельство» [5].

Губернское правительство было озабочено проблемой создания доступной юридической помощи. Так в «Пермских губернских ведомостях», которые были правительственным губернским органом печати и выражали позицию губернской власти, была опубликована статья «О земской юридической помощи крестьянам». Поводом к публикации послужил опубликованный отчет Министерства юстиции, в котором отмечалось, что опыты учреждения при некоторых уездных земствах юридических консультаций для крестьян «следует признать удачными». Однако вскоре последовало разъяснения Сената, что учреждение юридических консультаций не относится к ведению земства. Автор статьи обращал внимание на то, что «консультации - дело новое, еще неизвестное тогда, когда составлялось земское положение.» И далее: «Если закон считает прямой обязанностью земства учреждать для населения доступную и надлежащую медицинскую помощь, то, очевидно, и помощь юридическая не может не озабочивать земство. Юридическая помощь является настоятельно необходимой, и если не принимать соответствующие меры к ее организации, то эту помощь население получит от дельцов, способных своими советами причинить лишь вред, а не пользу. Нет юристов - будут великолепно обделывать свои делишки трактирные «аблакаты» и «ходатели» [6].

Количество гражданских исков непрерывно росло. Это объяснялось развитием гражданских, в частности имущественных, правоотношений. Некоторые из этих дел получали общественный резонанс, и их обсуждение шло в местной печати.

Так, в 1900 году «Пермские губернские ведомости» сообщали, что на Волге почтовый пароход братьев Каменских (самых крупных пароходоладельцев Перми) потерпел потопление, причем потонула почтовая денежная корреспонденция на сумму 40 тыс. рублей. Казна, в лице почтового ведомства, предъявила иск к бр. Каменским об убытках. Поверенный ответчиков присяжный поверенный А. И. Ланин доказывал, что в настоящем деле казна не потерпела никаких убытков: погибшие деньги состояли в кредитных билетах (банкнотах), а так как эти билеты представляют собой государственные долговые обязательства, то с гибелью их уменьшился и долг казны, следовательно, казна в момент гибели билетов не только не понесла никакого ущерба, но получила даже приращение. Если же затем она уплатила деньги отправителям корреспонденции, то и в этом случае никакого ущерба не получила, ибо уплатила им ровно ту сумму, на которую ранее, при утрате билетов, обогатилась. На основании этого присяжный поверенный Ланин просил в иске отказать. Окружным судом иск был удовлетворен, а судебной палатой решение оставлено без изменения. По кассационной жалобе присяжного поверенного дело было направлено в кассационный департамент правительствующего Сената, который принятое по делу решения отменил [7].

В 1913 г. к Торговому дому Бр. Каменских присяжный поверенный М.Я. Попов, действующий по доверенности от Пермского городского общества предъявил иск об изъятии из пользования Торгового Дома «Ф. и Г. Братья Каменские» участка на берегу реки Камы как принадлежащий Пермскому Городскому обществу. При этом автор иска указывал, что «несмотря на требования Управы освободить этот участок или уплатить за пользование им назначенную за него арендную плату, продолжает владеть им, не платя аренды за него, завладел им незаконно и самовольно. и что завладев участком №50 Торговый дом «Ф. и Г. Братья Каменские» лишил тем собственника участка Пермское Городское Общество возможности извлекать доход путем отдачи в аренду за плату не ниже 1200 руб. в год, а след. причиняет ему в этом размере убытки» [8].

Поверенный Торгового Дома присяжный поверенный Насальчук иск не признал и объяснил, что спорный участок не принадлежит Пермскому городскому обществу, а находится в собственности почетных граждан Каменских, т.к. приобретен у бывшей собственницы участка О.П. Карповой «по купчей крепости», утвержденной старшим нотариусом в начале 1909 г.

Рассмотрев дело суд выяснил, что спорная земля является городской собственностью и в соответствии со ст.8 Городского положения 1892г. не могла быть отдана в частное владение. На основании этого суд определил «изъять из владения Торгового Дома «Братья Каменские Ф. и Г.» и передать Пермскому Городскому Обществу участок под № 50 на берегу реки Камы. Взыскать с ответчика в пользу истца судебных издержек 25 руб. 30 коп. и вознаграждение за ведение дела 320 рублей и в доход казны 65 руб. 15 коп. издержек производства.» [8, л. 90-95].

На территории Пермской губернии располагались обширные владения князей Голицыных. В связи с этим у Голицыных возникали судебные споры, в том числе и с казной.

В сентябре 1890 г. Пермский окружной суд рассматривал дело по иску князя Сергея Михайловича Голицина к Высочайше утвержденному Главному правлению имениями наследников Петра Саввича Яковлева. Поверенным князя С. М. Голицина выступал помощник присяжного поверенного Попов, который и предъявил иск о незаконной вырубке леса и выжиге угля в дачах истца, прося: обязать ответчика немедленно прекратить вырубку леса и выжиг угля и снести возведенные для этой операции постройки, печи и иные устройства и взыскать с ответчика убытки, возникшие в связи с неправомерными действиями ответчика.

Основанием к иску послужило то, что осенью 1888 г. лесной ревизор, осматривая леса истца, отданные им в пользование Камскому Акционерному Обществу железо и сталелитейных заводов, констатировал в Пашийской даче князя Голицина выработку из произрастающего леса угля Управлением Невьянскими заводами наследников Яковлева. Сплошной рубкой леса вырублено около 120 десятин без оставления семенных деревьев, что и дало основание заключить, что при продолжении подобной рубки леса, вырубленные площади неминуемо превратятся на много лет в пустыри.

Поверенный ответчика присяжный поверенный Бибииков возразил, что удостоверению лесничего нельзя придавать значения, так как он служащий истца, а вопрос о хищнической разработке леса для настоящего дела не имеет значения, т. к. ответственным за это лицом перед князем Голицыным является Камское Акционерное Общество, которое приняло на себя обязанность охранять лес и таковой обязанности с себя не сложило.

В ходе судебного заседания поверенным ответчика был представлен договор Невьянского заводоуправления с Камским Акционерным Обществом на продажу 1000 десятин леса, при этом он пояснил, что Невьянское заводоуправление купило на сруб упоминаемый участок и пользуется им.

Рассмотрев дело Пермский Окружной суд нашел, что «Камское Акционерное общество имело право совершить продажу на сруб известного участка леса Невьянскому заводууправлению на условиях, не противоречащих уставу общества, следовательно, главное основание иска должно быть признано не заслуживающим уважения.

Что же касается второго основания иска - хищнического способа рубки, то и это основание иска не может быть признано правильным, так как если бы рубка леса Невьянским заводууправлением и действительно производилась не согласно условий, указанных в уставе Камского Акционерного Общества, то ответственным перед князем Голицыным за такую рубку является не Невьянское заводууправление, а Управление Камского Акционерного Общества, которое по уставу приняло на себя обязанность охранять леса князя Голицина» [8, д. 450, л. 322-326].

Не согласившись с решением Пермского Окружного суда, поверенным князя Голицина была принесена апелляция жалоба в Казанскую судебную палату, которая постановила «апелляционную жалобу князя Голицина оставить без уважения, а решение Пермского окружного суда в своей силе» [8, д.450, л. 339-345]. В дальнейшем, была принесена кассационная жалоба в кассационный департамент Сената, который определение Казанской судебной палаты отменил, а дело направил на рассмотрение в Московскую судебную палату.

В феврале 1895 г. Московская судебная палата по I Гражданскому Департаменту в публичном судебном заседании рассмотрела данное дело и пришла к выводу, что «По всем соображениям отказ Пермского окружного суда в удовлетворении всех исковых требований князя Голицина неправильным... судебная палата определяет: решение Пермского окружного суда, постановленное по сему делу 7 сентября 1890 г. отменить, обязать Главное Правление именными наследников Петра Саввича Яковлева прекратить дальнейшую рубку леса., признать за истцом, князем Голицыным, право на взыскание с ответчика в порядке исполнительного производства убытков, происшедших от неправильной рубки леса в Пашийской лесной даче его, князя Голицина» [8, д. 450, л. 384-387]. При производстве дела в Московской Судебной палате участвовали те же поверенные: со стороны князя Голицина - помощник присяжного поверенного Попов, а со стороны Главного правления именными наследников Петра Саввича Яковлева - присяжный поверенный Бибикив.

9-10 октября 1890 г. Пермский окружной суд рассматривал дело по иску князя С.М. Голицина к Пермскому управлению Государственных имуществ и Главному Уральскому управлению Горных заводов. Поводом к иску послужил спорный земельный участок, нанесенный на план под знаком солнца еще в 1824 г. Истца, представляли присяжные поверенные А. Д. Способин и А.А. Бубнов. Председательствовал в судебном заседании председатель Пермского окружного суда барон А.Н. Зальца.

Основания иска были следующие. Согласно поданному прошению «Жалованными грамотами Государей и Великих Князей Московских от 7066, 7072, 7076, 7086 гг. именитым людям Строгановым пожалованы были в вечно потомственное владение земли в Пермском наместничестве, облегающие по реке Чусовой по обоим берегам. и в состав их входил Сылвенский острожек, что ныне село Троицкое». Затем эти земли путем наследования перешли в ведение княгини Голицыной. При генеральном размежевании земель в Пермской губернии на часть земель княгини Голицыной заявили притязания депутаты от Пермских казенных заводов, требуя примежевания к казенному Мотовилихинскому заводу земель Голицыной в размере 15 009 дес. 72 саж. В связи с тем, что поверенный Голицыной (урожденной баронессы Строгановой) опровергал притязания казны, спорные земли были выделены в отдельный отвод и нанесены на план под знаком солнца. Таким образом, автор иска указывает, что спорные земли принадлежат на праве собственности князю Сергею Михайловичу Голицину как наследнику и что «прав на эти земли ни

Строгановы, ни наследники их не утратили ни силою Высочайших указов, ни отчуждением» [8, д. 428, л. 2-3].

Суд, рассматривая дело нашел, что князь Голицин пропустил срок исковой давности «и потому должен считаться утратившим право на этот иск» [8, д. 428, л. 89-97].

Принимая во внимание, что Екатеринбургский судебный округ входил в состав Пермской губернии, считаем небезынтересным обратить внимание на некоторые дела Екатеринбургского окружного суда с участием адвокатов, вызвавшие общественный резонанс и освещавшиеся в губернской прессе.

В середине августа 1897 г. в Оренбурге умер статский советник Афанасий Федорович Чубарков, происходивший из мастеровых бывшего екатеринбургского монетного двора и очень долго служивший по гонному ведомству. Покойный, как было известно оставил после себя довольно крупное состояние (до 112 тыс. руб.), детей у него не было. По истечении публикационного срока наследственные права к имуществу Афанасия Чубаркова были одновременно предъявлены несколькими лицами: двоюродной сестрой умершего-Евлампией Евдокимовой Осиповой, двоюродными племянниками Марком и Филиппом Ильиными Чубарковыми и троюродными внуками Андреем и Яковом Афанасьевыми Чубарковыми.

Спустя несколько дней после получения Осиповой наследства, Марк, Филипп, Андрей и Яков Чубарковы предъявили к Осиповой иск об этом наследстве, который и был предметом рассмотрения екатеринбургского окружного суда 19 февраля 1899 г. В своем исковом прошении Чубарковы заявляли, что Евлампия Осипова не дочь Евдокима Чубаркова (дядя наследодателя Афанасия Чубаркова), а лишь его воспитанница, т.е. не соединена с наследодателем кровным родством и, следовательно, не может быть наследницей Афанасия Чубаркова; поэтому истцы просили окружной суд признать, что Осипова не родная дочь Евдокима Чубаркова и утвердить их в правах наследования имущества покойного.

Возражая против иска, ответчица заявила, что необозначение ее в документах «родною» дочерью нисколько не умаляет ее права, так как законом установлено, каким образом должны быть приписываемы к семействам приемыши, и если бы она была на самом деле воспитанницею Чубарковых, то таковой бы и значилась в документах.

После доклада дела поверенный истцов Чубарковых - частный поверенный Н.А. Смиренский заявил, что «настоящий иск не иск о законности рождения, а является иском о признании ответчицы Осиповой, не происходящей вовсе от Е. и Д. Чубарковых..., причем самый спор о законности рождения имеет в виду лишь следующий случай: возбуждение спора на том основании, что данное лицо родилось от матери во время разлуки с нею мужа, или по смерти последнего или при сомнении мужа в супружеской верности жены. Далее г. Смиренский заявил, что ревизская сказка и метрика представлены истцами только для того, чтобы удостоверить несходство документов, заключающих в себе сведения о детях Е. и Д. Чубарковых, а при таком различном содержании документы эти не могут быть приняты за достоверное доказательство кровного происхождения Осиповой». Настаивая на допустимости свидетельских показаний по данному делу, Смиренский доказывал, что показания эти заслуживают полного доверия и устанавливают отсутствие родства между ответчицей Осиповой и Афанасием Чубарковым.

Возражая Смиренскому, поверенный ответчицы Осиповой - присяжный поверенный Магницкий доказывал, что все споры, направленные к установлению того, что данное дитя не есть дитя известных лиц, состоящих в законном браке, являются спорами о незаконности рождения. Опровергая заявление поверенного истцов по поводу значения исповедных росписей, указал на то, что за целый ряд лет, начиная с годового возраста ответчицы вплоть до выхода ее замуж, родители Осиповой называли ее в этих росписях своей дочерью, а такие документы, как исходящие

непосредственно от родителей, по разъяснению сената, не могут быть ничем оспорены. Далее Магницкий указал, что представленные истцами документы не только не доказывают кровной связи всех истцов с покойным Афанасием Чубарковым, но наоборот, устанавливают, что истцы вовсе не наследники Афанасия Чубаркова, в доказательство чего сослался на представленную истцами ревизскую сказку 1795 г. В заключении своей речи Магницкий заявил, «что он думает, что предъявлен настоящий иск и поддерживается так настойчиво поверенными истцов исключительно потому, чтобы, прикрывшись судебным решением гарантировать себя от претензии своих же доверителей за пропуск срока в предъявлении иска».

После продолжительного совещания окружной суд постановил: «в настоящем иске Марку и Филиппу Ильиным, Андрею и Якову Афанасьевым Чубарковым к Евлампии Евдокимовой Осиповой отказать, взыскать с них в пользу Осиповой судебных издержек 9 руб. 64 коп. и за ведение дела 1449 руб. 46 коп.» [9].

На Урале был высокий уровень травмированности рабочих на заводах и приисках и, соответственно, большое количество исковых дел. Так, в 1897 г. мастерской черноисточинской волости Верхотурского уезда Евтихий Семенов Копылов, ехавший ночью на лошади, запряженной в «ропуски» по Нижне-Тагильскому заводу, был на полотне строящейся заводской железной дороги настигнут поездом и смят паровозом, в результате чего получил тяжкие повреждения и потерял возможность заниматься своим обычным трудом. Отнеся причину этого несчастного события к непринятию агентами владельцев железной дороги надлежащих мер к предупреждению подобных случаев, поверенный Копылова - присяжный поверенный П.Е. Шабаров от имени своего доверителя предъявил 9 августа 1899 г. иск к главному правлению именными наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато. В своем исковом прошении Шабаров просил взыскать с ответчика в пользу Копылова за потерю последним трудоспособности 3000 руб. (сумма составляла десятилетний размер заработка Копылова).

По постановлению суда истец был освидетельствован экспертом, который обнаружил, что Копылову причинено повреждение головы с переломом костей черепа. Признавая это повреждение тяжким увечьем, эксперт дал заключение, что Копылов к физическому труду не способен.

Показаниями свидетелей были установлены следующие обстоятельства. Копылов был настигнут поездом недалеко от того места, где железнодорожное полотно пересекает Тагильскую улицу завода, и его несколько сажень протащило паровозом по полотну дороги. Последнее в это время не освещалось и не было ограждено, барьеры и шлагбаумы отсутствовали не только на улице, где проходит полотно, но даже и на том месте, где оно пересекает Тагильскую улицу. Ночь была очень темная. Поезд стал курсировать незадолго до происшествия, и Копылов, как житель другого селения, мог и не знать о начале движения по линии железной дороги. Интересы главного правления именными П.П. Демидова, князя Сан-Донато представлял присяжный поверенный П.Ф. Трофимов.

Шабаров считал, что добытым по делу материалом вполне установлено непринятие агентами ответчика мер предосторожности, вследствие чего было причинено увечье Копылову и утрачена последним трудоспособность, и поддерживал свои исковые требования в полном объеме.

Трофимов просил в этом иске отказать; «как видно из осмотра места происшествия с Копыловым, произведенного судебным следователем, Копылов проехал вдоль полотна железной дороги сажень 20-30. Из этого можно заключить, что он или был пьян, или спал, и лошадь везла его куда хотела, а при таких условиях не могли предотвратить несчастья никакие загородки. К тому же заводу управление не обязано было делать никаких загоронок и освещать путь, так как оно

руководствуется при эксплуатации своей железной дороги «Особыми правилами об устройстве подъездных путей общего пользования», которые не устанавливают подобной обязанности».

Выслушав объяснения сторон, екатеринбургский окружной суд постановил «взыскать с главного правления именными П.П. Демидова, князя Сан-Донато в пользу истца Копылова три тысячи рублей с процентами с 9 августа 1899 года по день платежа, а также 187 руб. 46 коп. судебных и за ведение дела издержек» [9, № 250].

Адвокатура и суд присяжных

Надзор за деятельностью системы судопроизводства осуществляло Министерство Юстиции. В декабре 1900 г. Министр юстиции направил всем председателям и прокурорам судебных округов циркуляр, в котором обращал внимание на выявленные недостатки, негативно сказывавшиеся на результатах судебной деятельности:

«Обобщая известные судебным чинам многочисленные указания, следует неизменно иметь в виду:

-председательствующему - что он направляет дело единственно к раскрытию правды и торжеству закона, а потому несет наибольшую ответственность за все происшедшее на суде;

-прокурору - что он не только государственный обвинитель, но и должностной блюститель законности, а потому заинтересован не столько в признании и успехе, сколько в правильности и основательности обвинения;

-защитнику - что он обязан содействовать, а не препятствовать суду в достижении целей правосудия;

-присяжным заседателям - что в силу высокого доверия к ним законодателя, они, согласно приносимой ими присяге, призваны отправлять суд «по сущей правде и убеждению, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного».

Каждому уважающему себя деятелю суда должно быть всегда присуще сознание, что обвиняемый еще не подсудимый, подсудимый еще не осужденный, а осужденный - тот же человек и притом уже начавший искупление своей вины» [10].

Выдающуюся роль в становлении и развитии новой системы судопроизводства на основах справедливости и гуманизма сыграл институт присяжных заседателей.

10 сентября 1879 г. в Пермском окружном суде слушалось дело по обвинению бывшего пермского купца Василия Алексея Кротова, обвиняемого в растрате денег. Защиту Кротова по соглашению осуществлял присяжный поверенный Статский советник А.И. Пономарев.

Сущность дела заключалась в следующем. 4 ноября 1876 г. Общее собрание членов Пермского общества взаимного страхования от огня, произведя поверку счетов и состояния кассы со дня открытия общества - 5 апреля 1864 г. по день сдачи кассы 22 сентября 1876 г., обнаружило, что в течение последних пяти лет растрчено из сумм общества 16 383р. 52к. и что в это время денежными суммами общества заведовал распорядитель правления Кротов. При производстве следствия с привлечением эксперта-контролера и бухгалтера были проверены приходно-расходные книги Пермского общества взаимного страхования и книги Мариинского банка, в котором хранились денежные суммы общества, в результате чего было выявлено: растрчено с 5 апреля 1872 года по 5 апреля 1873 года 1400 рублей, в следующий год по 5 апреля 1874 года - 3 681 руб. 96 коп., в год по 5 апреля 1875 года - 4 262 руб. 58 коп., в год по 5 апреля 1876 года - 2863 руб. 80 коп. и наконец с 5 апреля 1876 года по 22 сентября того же года - 4158 руб. 74 коп., и не записано на приход 16 руб. 44 коп., а всего 16 383 руб. 52 коп.

Сам Кротов недостаток такой суммы объяснил тем, что он выдавал иногда страхователям квитанции в уплате премий, не получив от них денег, но надеясь, что они деньги внесут, между тем они денег не вносили. Годовые отчеты и книги он, Кротов, проверял и находил их правильными.

Вердиктом присяжных заседателей Кротов был оправдан [11].

Случалось, что к уголовной ответственности привлекались и полицейские чины. Так, в ноябре 1881 года привлекался к уголовной ответственности коллежский регистратор Д.И. Протопопов. Обвинялся он в том, что, состоя столоначальником Пермского городского полицейского управления 18 мая 1874 года из корыстных или иных личных целей похитил представленное в означенное управление заявление мещанки Ауденовой об отказе от иска денег с Разумовской и затем в июле того же года возвратил его в полицейское управление, причем в заявлении оказались переправки. Данное деяние было квалифицировано как подлог по службе [11]. Защиту в суде осуществлял помощник присяжного поверенного А. А. Токарев. Вердиктом присяжных заседателей Протопопов Д.И. был признан невиновным и был постановлен оправдательный приговор [11, д. 1521, л. 46-47].

Интерес представляет уголовное дело по обвинению группы лиц в изнасиловании малолетней крестьянской девицы. Суть дела заключалась в следующем. Крестьянка Е.Н. Гвоздкова сообщила полиции, что 25 февраля 1891 года крестьянка Марья Токарева пригласила ее дочь Анну 13 лет проводить ее к Парасковье Ягуткиной, но вместо Ягуткиной она увела Анну в дом Евдокии Чагиной. По приходе их к Чагиной последняя, переговорив о чем-то с Токаревой, тотчас вышла из дома и возвратилась уже спустя некоторое время вместе с волостным писарем Павлом Густокашиным. Они принесли с собой две бутылки водки, которую стали употреблять, при этом Токарева и Чагина принудили Анну выпить две рюмки, от чего у нее сделалась головная боль и она легла на кровать. Вскоре Токарева и Чагина вышли из избы, и Густокашин, воспользовавшись отсутствием, их лег на кровать к Анне и изнасиловал ее. Обвиняемые виновными себя не признали, однако в ходе предварительного следствия свидетели изобличали их в совершенном преступлении [11, д. 2037, л. 151].

Защиту подсудимого Густокашина осуществлял частный поверенный А. Г. Червинский. И хотя в судебном заседании потерпевшая и свидетели подтвердили данные в ходе предварительного следствия показания, присяжными заседателями был вынесен оправдательный вердикт [11, д. 2037, л. 229-230].

Интересна практика Пермского окружного суда, связанная с возмещением причиненного преступлением ущерба. Так, 18 января 1906 г. Пермский окружной суд с участием присяжных заседателей рассматривал дело по обвинению пермского мещанина В. Бубнова и крестьянина С.К. Бабурина, обвинявшихся «в том, что они в Перми, на углу Екатерининской и Осинской улиц, в ограде дома Заозерского, в ночь на 13 апреля 1905 г. похитили у вятского мещанина Емельянова кошелек с деньгами, в сумме 17 руб. 10 коп., при чем для совершения этого преступления сшибли потерпевшего с ног, нанесли ему побои и сдавили горло» [12].

В ходе предварительного следствия потерпевший подтверждал предъявленное обвинение. Обвиняемые в ограблении сознались, возместили потерпевшему всю похищенную сумму денег. В суде потерпевший новыми показаниями пытался смягчить преступление, а подсудимые категорически отрицали свою виновность. Защитник подсудимых, присяжный поверенный Попов старался доказать, «что в данном случае не было грабежа, а было, если не тайное похищение, то простое озорничество и самоуправство». Присяжные заседатели вынесли подсудимым оправдательный вердикт [12].

Особенно мягкой видится практика Пермского окружного суда по обвинению в детоубийствах. Связано это, по нашему мнению, с авторитетом института брака. Женщина, прижившая ребенка вне брака, обрекалась обществом на позор и всеобщее порицание.

Так, в апреле 1906 г. Пермский окружной суд рассмотрел два дела о детоубийствах. Первое по обвинению крестьянской девицы С. Л. Поповой 17 лет в том, «что проживая в 1904 г. в городе Перми, в качестве кухарки в квартире чиновника Конюхова в декабре того же года, разрешившись от беременности прижитым ею вне брака живым младенцем женского пола, она из стыда и страха скрыла его, бросив в яму отхожего места при квартире Конюхова» [12]. На предварительном следствии подсудимая в совершенном преступлении созналась. Защитник подсудимой по назначению от суда, присяжный поверенный Наговицын «в виду признания подсудимой ходатайствовал о снисхождении к ней». Окружной суд, признав подсудимую виновной, приговорил подвергнуть ее аресту при полиции на три дня.

Второе - по обвинению крестьянки соликамского уезда М.М. Волосатых 29 лет в таком же преступлении. Подсудимая в совершенном преступлении созналась. Присяжный поверенный Наговицын - защитник подсудимой, ходатайствовал о снисхождении к ней. Окружной суд приговорил подсудимую подвергнуть аресту при полиции на три недели [12].

В 1905 г. обвинялся крестьянин вятской губернии А.К. Варанкин, 24 лет, в том «что он в г. Перми, вечером 29 октября 1904 г., тайно похитил железную кружку с деньгами, на сумму менее 300 руб., из каменного столба ограды при Рождество-Богородицкой церкви, при чем для совершения означенного преступления, сломал большой висячий замок, при помощи которого были замкнуты две железные связи, прикреплявшие кружку к столбу» [13].

Похищенная кружка была обнаружена пустой на берегу реки Камы, под береговым откосом. Подозрение на подсудимого в данной краже пало ввиду того, что в указанное по делу время, как было установлено полицией, подсудимый в г. Перми в квартире мещанина Садова играл в карты, причем проиграл все бывшие при нем деньги, в количестве до 6 рублей и почти все мелкой медной монетой, за исключением небольшой суммы серебра до одного рубля. Кроме того, подсудимый навлек на себя подозрение еще и тем, что на другой день после карточной игры, на вопрос присутствовавшего при игре мещанина В.Мосягина, откуда у подсудимого столько медной монеты, которую он проиграл в карты, ответил ему: «Скоро все это будет известно из газет».

Ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании подсудимый виновным себя не признал. По существу, предъявленного обвинения пояснил, что «проигранные им в карты в квартире Садова деньги были его собственные, частью привезенные им с домашней стороны, частью заработанные им в Перми на пароходной пристани бр. Каменских, где он работал в качестве чернорабочего, что же касается того обстоятельства, что проигранные им деньги состояли по большей части из мелкой медной монеты, то он получил их при разных сдачах в торговых лавках, чайных и т.п.» [13]

В судебном заседании были оглашены справки о прежних судимостях, из которых выяснилось, что подсудимый два раза прежде был судим за кражи в г. Казани и отбывал наказание в виде лишения свободы. Защитник подсудимого, присяжный поверенный Белорусов считал совершение подсудимым преступления недоказанным, объясняя кражу кружки и нахождение у подсудимого в данное время мелкой медной монеты в большом количестве лишь случайной последовательностью этих событий. Присяжные заседатели вынесли подсудимому оправдательный вердикт [13].

Таким образом, общее количество оправдательных приговоров достигало 60% от общего числа дел, рассматриваемых судом. Присяжные заседатели, которые часто оказывались и неграмотными, обычно принадлежали к крестьянскому и мещанскому сословиям, при вынесении вердикта часто руководствовались не представленными доказательствами, а логикой обыденного сознания, эмоциями, вызванными речами обвинителей и защитников.

Учреждение Совета присяжных поверенных при Казанской судебной палате

При каждой судебной палате учреждался Совет присяжных поверенных. О его учреждении могли просить судебную палату присяжные поверенные, если их было не менее 20, об учреждении отделения совета при окружном суде - если их было не менее 10.

Постановления по дисциплинарным делам передавались прокурору палаты, при которой состоял совет. Обжалования и прокурорские протесты можно было подавать в двухнедельный срок в палату, которая уже окончательно решала эти дела. Наложение взыскания на поверенного не препятствовало пострадавшему от его действий взыскивать в общесудебном порядке свои убытки. Меры взыскания, принимаемые Советом, были следующими: предостережение, выговор, запрещение практики на срок не свыше одного года, исключение из сословия, предание уголовному суду. Лица, подвергшиеся двум взысканиям в виде запрещения практики, совершив дисциплинарный проступок в третий раз, исключались из сословия [14]. Где не было совета присяжных поверенных или отделений совета, там права и обязанности его принадлежали местному окружному суду [14, ст. 378].

В результате контрреформ в декабре 1874 г. образование советов присяжных поверенных было приостановлено, поэтому при Пермском Окружном суде такого отделения совета не существовало. Функции совета исполнял Пермский Окружной суд.

Среди дисциплинарных дел, рассматриваемых Пермским окружным судом, можно выделить следующие часто встречаемые категории исходя из принципа о причине возбуждения дисциплинарного производства в 1881-1887 гг.:

1. Совершение присяжным поверенным преступления.
2. Отказ в возврате гонорара.
3. Небрежное исполнение своих обязанностей.
4. Неправомерные действия присяжного поверенного.
5. Нарушение порядка работы по назначению суда.

Чаще всего жалобы были необоснованными и оставлялись без удовлетворения.

К примеру, в декабре 1882 г. в Пермский окружной суд поступила жалоба бессрочно отпускного рядового Степана Терентьева Песякова на присяжного поверенного Белоруссова и частного поверенного Озмидова.

В основу жалобы были положены следующие обстоятельства. По рекомендации частного поверенного Озмидова, не имевшего свидетельства на ходатайство по делам в Окружном суде, Песяков засвидетельствовал у кунгурского нотариуса на имя Белоруссова полную доверенность на ведение в Пермском окружном суде его дела с Лапиным. Одновременно с этим он передал Белоруссову 125 рублей за ведение дела и расходы по иску. В дальнейшем, Озмидов, по уполномочию Белоруссова «искowym прошением предъявил к Песякову у мирового судьи 1 участка Кунгурского округа иск в сумме 158 руб. 20 коп., приведя в основание иска таксу вознаграждения присяжных поверенных за хождение по гражданским делам, объяснив, что письменного условия о вознаграждении Белоруссов с ним, Песяковым не совершал; при чем о сказанных выше 125 руб. ни Белоруссов, ни Озмидов не упоминают ни слова».

Таким образом, заявитель жалобы посчитал, что действия присяжного поверенного Белоруссова «составляют вид утайки и мошенничества, а действия частного поверенного Озмидова подходят под понятие соучастия в деянии Белоруссова» [15].

Из объяснений на жалобу присяжного поверенного Белоруссова следует, что Белоруссов вел дело Песякова против Лапина в 1880 г. Белоруссов указал, что право на таксовую плату обеспечено присяжному поверенному законом, а сверхтаксовая доплата вся была получена вперед, расходные же деньги обеспечивались доверием к Озмидову. По окончании дела Белоруссов выслал документы Озмидову, чтобы тот взыскал ему таксовую плату с Лапина. Однако нотариус Куренбин прекратил доверенность Песякова Озмидову. Тогда Белоруссов выслал доверенность Озмидову на взыскание ему таксовой платы с самого Песякова, что Озмидов и сделал. Частный поверенный Озмидов представил аналогичные объяснения, при этом пояснил, что передал Белоруссову деньги как установленную ему доплату и расходные.

Рассмотрев жалобу в общем собрании отделений под председательством председателя суда барона А.Н. Зальца, членов суда Н.С. Никольского, Н.И. Ера-польского, Л. О. Смолоника с участием тов. Прокурора и секретаря Пермский окружной суд определил: «Жалобу Песякова оставить без последствий, о чем ему и объявить через Кунгурское полицейское управление» [15, л. 16-22].

Дисциплинарное производство могло быть возбуждено и по инициативе самого суда и вышестоящих судов. Так, 5 декабря 1885 г. Пермский окружной суд по Общему собранию отделений под председательством председателя барона А.Н. Зальца слушал доклад по представленным документам судебным следователем 1-го участка Красноуфимского уезда, затребованным председателем суда. Поводом к возбуждению дисциплинарного производства послужила жалоба дворянина Кондыбо и две телеграммы присяжного поверенного Лансберга, из которых следовало, что Кондыбо жаловался на незаконные действия врача Пономарева, который взял с него триста рублей за заключение, данное Пономаревым по делу Кондыбо. Из первой телеграммы Лансберга видно, что присяжный поверенный Лансберг советовал Кондыбо «войти в соглашение с Пономаревым» [15, д.3271, л. 14].

В объяснении присяжный поверенный Ц.А. Лансберг указал, что, «признавая присутствие врача-специалиста необходимым в деле Кондыбо, так как во время производства предварительного следствия возбуждался вопрос о ненормальности умственных способностей Кондыбо, Лансберг, в интересах защиты нужным счел послать телеграмму Кондыбо о том, чтобы он вошел в соглашение с Пономаревым, желая тем самым указать все средства защиты, при чем он даже не мог подозревать Пономарева в каких-нибудь незаконных требованиях, зная по опыту, что по закону могут быть приглашены врачи-специалисты на счет подсудимого, тем более, что Пономарев уже не однажды бывал в судебных заседаниях и должен знать свои обязанности, предусмотренные специальным уставом Врачебным» [15, д. 3217, л. 14-15]. О том, что Пономарев получил от Кондыбо деньги, ни Пономарев, ни Кондыбо, ни Лансбергу не сообщали.

Изучив представленные материалы дела, Пермский окружной суд по общему собранию отделений определил: «признавая объяснение присяжного поверенного Лансберг заслуживающим уважения, переписку по настоящему делу прекратить» [15, д. 3217, л. 16].

После создания Казанского Совета присяжных поверенных появляются дисциплинарные дела, связанные с непредставлением объяснения совету по возбужденному дисциплинарному делу. Если ранее при рассмотрении дисциплинарных дел Окружным судом, в случае непредставления объяснения присяжным поверенным, суд привлекал присяжного поверенного к ответственности с назначением наказания, то Совет кроме назначения наказания по имеющемуся

дисциплинарному делу возбуждал второе дисциплинарное дело в связи с непредставлением объяснения совету. Так, согласно протоколу совета от 25.11.1915. было постановлено: «объявить присяжному поверенному И.И. Белоруссову выговор; за непредставление

объяснения по сему делу возбудить новое дисциплинарное производство, сообщив Белоруссову копию сего постановления и потребовать от него объяснения по поводу непредставления объяснений в Совет в 3-х дневный срок» [16].

Недопустимой, в соответствии с устоявшейся профессиональной этикой, считалась реклама присяжных поверенных и их помощников.

12 июля 1913 г. Казанский совет слушал дело по сообщению С.К. Грыцевича о 25-летней деятельности. Как следует из материалов, помощник присяжного поверенного С. К. Грыцевич прислал в Совет брошюру под названием «Биография С.К. Грыцевича», снабженную портретом автора брошюры.

Совет присяжных поверенных в виду явно рекламного содержания разосланной Грыцевичем брошюры, указывающей на разные заслуги Грыцевича, его состоятельность, трудоспособность и полученные награды, постановил: «находя действия помощника присяжного поверенного Грыцевича крайне неприличными и несовместимыми с носимым им званием, сообщить о таковых подлежащему Окружному суду» [16, д. 267, л. 26].

Следует отметить, что Казанский совет присяжных поверенных имел тесные связи с другими советами Российской империи и вел переписку с ними по различным вопросам.

Так, 11 декабря 1916 г. Ташкентский совет присяжных поверенных обратился к Казанскому совету с просьбой разъяснить: «при определении законодательного кворума общего собрания принимаются ли в расчет мобилизованные члены сословия», а также «имеют ли право участвовать в общем собрании (с правом избирать и быть избранными) присяжные поверенные, которые отбывают наказание, т.е. запрещение практики» [16, д. 433, л. 5].

Ответ Казанского совета был следующим: «При определении законного кворума, присяжные поверенные, призванные к исполнению военной повинности в расчет, не принимаются, т.к. на время призыва они состоят на службе государственной и по сему лишены возможности отправлять обязанности сословные. Присяжные поверенные, отбывающие наказание, не лишаются права активного и пассивного участия в общих собраниях» [16, д. 433, л. 7].

Участие адвокатов в политической жизни

Помимо своей профессиональной деятельности пермские и екатеринбургские адвокаты играли видную роль в общественно-политической жизни Пермской губернии. Гласными Екатеринбургской городской думы были присяжные поверенные С.А. Бибииков, Д.М. Веселов, С.И. Кванин, Н.Ф. Магницкий, К.М. Гавриленко. Н.Ф. Магницкий возглавлял попечительские советы при второй женской гимназии и общественной библиотеке им. В.Г. Белинского. Адвокат П.А. Кронеберг являлся председателем Екатеринбургского музыкального кружка и участвовал в концертах как пианист, а также как дирижер. Присяжный поверенный И.О. Немировский входил в правление Екатеринбургского отделения Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом, был членом общества борьбы с детской смертностью, членом Екатеринбургского отделения общества Красного Креста, где принимал активное участие в изыскании средств для оказания помощи раненым на фронте [17].

Пермский адвокат Н. В. Павлов служил юрисконсультom Пермского вотчинного имени наследников графа А. П. Шувалова. Около 20 лет был гласным городской думы и уездного земского собрания; от Пермской городской думы входил в состав губернских присутствий по делам об обществах и по земским и городским делам, от уездного земства - в губернский училищный совет;

был членом Пермского уездного училищного совета, совета Общества попечения о лицах, освобождаемых из мест заключения округа Пермского окружного суда, попечительского совета Мариинской женской гимназии; один из организаторов и председатель конституционно-либеральной партии, созданной в г. Перми в декабре 1905 г. В Государственную Думу был избран в апреле 1906 г. В Думе вошел в группу демократических реформ. В после-думский период вернулся к адвокатской практике и деятельности в органах местного самоуправления. В 1919 г. при колчаковской администрации, был юрисконсультom восстановленного губернского земства. Эвакуировался с белыми в Сибирь, работал адвокатом в г. Чите, затем служил правителем в канцелярии министерства юстиции Дальневосточной республики. В конце 1922 г. вернулся в г. Пермь, где до 29 июня 1929 г. служил юрисконсультom при Пермской конторе Волжского речного пароходства.

Еще один видный политический деятель адвокатуры был Матвеев Павел Александрович. Родился он 15 декабря 1868 г. Рос без родных отца и матери. Был подкинут на улице г. Перми и взят на воспитание отставным солдатом-кантонистом. Воспитатель его работал приказчиком по винной торговле у пермских купцов Гаврилова и Башкирцева. Отчим Александр Матвеевич Матвеев, хотя сам был неграмотным, понимал необходимость образования. По протекции своего ближайшего друга - швейцара гимназии ему удалось устроить Павла в Пермскую классическую гимназию. После окончания гимназии Павел пытался учиться в Казанском университете. Однако тяжелые материальные условия вынудили Матвеева бросить университет. Он идет в народные учителя и пять лет работает учителем в селе Слудка Пермского уезда. Будучи командированным на сельскохозяйственные учительские курсы в г. Красноуфимск, вступает в нелегальную организацию учащихся Красноуфимского промышленного училища. После обнаружения данной организации Матвеева увольняют из школы, арестовывают и он отбывает шестимесячное заключение в камере пермской тюрьмы.

В 1898 г. Матвеев вступает в образованный в Перми марксистский кружок. Осенью 1902 г. в Перми прошла волна арестов. Были арестованы П. А. Матвеев, Л.М. Еленев, А.Н. Ягодникова и другие. До суда их освободили под особый надзор полиции. В июне 1903 г. Матвеев становится одним из активных членов комитета РСДРП. Вскоре состоялось судебное заседание в выездной сессии Казанской судебной палаты. Матвееву было предъявлено обвинение в том, что он «состоит членом образовавшегося в Перми тайного общества, поставившего себе целью достигнуть в более или менее близком будущем, путем воздействия словом, а также письменными или печатными произведениями, на интеллигентный и низший слой общества, изменения государственного строя и формы правления в России и существующих основных законов; как член такового в июле месяце 1901 года участвовал на собраниях в квартирах обвиняемых Эмдина, Кузнецова и Мешкова, причем на последнем собрании у Мешкова принял участие в прениях, вызванных прочитанным на этом собрании рефератом преступного содержания» [18, с. 388].

Матвеев был признан виновным и выслан вместе с Еленевым на три года в Архангельскую губернию.

В конце октября 1905 г., в Перми, как и во многих городах, произошло объединение большевиков и меньшевиков и был избран один комитет РСДРП. Матвеев вошел в его состав и был активным его членом; выполняя решение комитета, он проводил в практической работе большевистскую линию. В время всеобщей железнодорожной стачки он выступает на совместных собраниях железнодорожников и рабочих Мотовилихи. За участие в декабрьском вооруженном восстании в Мотовилихе Казанской судебной палатой П.А. Матвеев был приговорен к заключению в крепости.

После выхода из тюрьмы П.А. Матвеев в 1907 г. на 39-м году жизни вновь поступает в Казанский университет, заканчивает его и работает в Перми помощником присяжного

поверенного. В это время он известен населению Перми как адвокат рабочих и бедноты. Среди рабочего населения Перми он ведет культурно-просветительскую работу, организует народные чтения, воскресные школы. Из своей личной библиотеки передает третьей районной библиотеке книги и хлопочет об организации при библиотеке «уголка самообразования». Живейшее участие П.А. Матвеев принимает в жизни Пермского краеведческого музея и Общества краеведения, почетным членом которого он впоследствии стал [18].

5-10 декабря 1906 г. Казанская судебная палата по особому присутствию в публичном судебном заседании в г. Перми в составе старшего председателя судебной палаты сенатора Д. Е. Рынкевича, трех членов палаты, при участии сословных представителей, состоялось рассмотрение уголовного дела о вооруженном восстании на Мотовилихинском заводе [19].

События декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе 1905 г. широко известны, написана ни одна книга, повествующая о тех далеких днях. Однако при детальном изучении материалов уголовного дела вырисовывается иная картина произошедшего. Итак, обратимся к официальным документам.

Согласно обвинительному акту, во второй половине ноября 1905 г. среди служащих и рабочих Мотовилихинского завода стало заметным брожение частью экономического, частью политического характера. В мастерских открыто пропагандировали, что существующий в государстве образ правления должен быть изменен, что для этого необходимо принять участие во всеобщей забастовке и добывать оружие, чтобы дать отпор войскам, если те будут подавлять выступления.

9 декабря в 6 часов утра в заводе потухло электричество; рабочие выходили из мастерских и направлялись в фабрику №5, где проходила многочисленная сходка. Здесь ораторы призвали к всеобщей политической забастовке как средству борьбы с правительством, после чего была постановлена резолюция о присоединении к политической забастовке. Участники митинга разошлись с пением «Марсельезы». Некоторые участники митинга зашли в отделение паровых котлов и стали самовольно давать тревожные свистки. Работа на заводе прекратилась.

Позже, в 12-м часу дня, в помещении библиотеки завода состоялась сходка служащих завода. Говорили, что «забастовка не экономическая, а политическая, что правительство на краю денежного банкротства, что запас золота на исходе, а есть лишь бумажные деньги, которые по мнению ораторов, не следует принимать из банков и касс, что необходимо добиваться перемены образа правления в государстве, и что этой забастовкой, к которой примкнул все заводы и железные дороги, правительству будет нанесен последний решительный удар. Большинством 160 против 58 голосов решено было примкнуть к забастовке» [19, д. 46, л. 114-119].

Около 4 часов дня к Горному начальнику Пермских пушечных заводов действительному статскому советнику Стрельману явилась депутация от служащих и рабочих и выдвинув следующие требования: прекращения занятий в Управлении заводов, отказа администрации от пользования заводскими лошадьми, электрической энергией, телефоном и др., открытия фабрики №5 для сходов и митингов. Опасаясь тысячной толпы, горный начальник вынужден был принять на предъявленные ему требования.

10 декабря в 12-м часу дня на фабрике №5 проходила сходка рабочих, на которой разбрасывались прокламации, призывающие к вооруженному мятежу. Одна из подобных прокламаций была доставлена помощнику исправника Правохенскому.

11 декабря в утреннее время проходила общая сходка на фабрике №5. Около 2 часов дня во дворе волостного правления состоялся соединенный сход двух Мотовилихинских сельских обществ, созванный старостами Ильиных и Хомяковым, для обсуждения разных хозяйственных

вопросов, касающихся местных сельских обществ. После окончания сходки на фабрике большая часть бывших на ней рабочих явились во двор волостного правления и обратила означенный сельский сход в политический митинг.

Рабочие Лбов и Кузнецов обратились к собранию, призывая вооружаться. В результате после прений, митингом была принята резолюция: «Послать телеграмму Государю Императору от Мотовилихинских обывателей и проживающих в ней посторонних жителей, прося Его Императорское Величество для успокоения страны немедленно созвать Государственную Думу на началах прямого, всеобщего, равного и тайного голосования. Признавая бездеятельность и несостоятельность местной полиции в охране мирного населения от злонамеренных людей образовать местную милицию: для этого тотчас же взять из богадельных сумм 2000 рублей переданные ему волостным судом, как вещественные доказательства, выдать милиции под расписку. Поручить милиции для предотвращения хулиганских выходок, выраженных в беспричинных выстрелах, свистках и других безобразиях, нарушающих спокойную и мирную жизнь населения, немедленно принять самые энергичные меры с устранением подобного зла» [19, д. 46, л. 114-119].

12 декабря утром на улице на полицейского стражника Ивашева напали 5 неизвестных ему лиц и отобрали у него шашку и револьвер, у подоспевшего на свисток стражника Беляева также была отобранана шашка. В это же утро рабочие под предводительством Лбова подошла к находившемуся в 5 верстах от Мотовилихи керосиновому складу Бр. Нобель и насильно, угрожая лишением жизни, отняли у заведующего складом 13 револьверов, имевшихся в конторе. Затем направились на митинг на фабрику №5.

На митинге ораторы призывали остановить железнодорожный транспорт и прекратить движение. Во 2-м часу дня тысячная толпа направилась с митинга на вокзал, куда к тому времени должен был подойти из Перми почтовый поезд. Когда подошел поезд, толпа уже стояла на пути и поезд вынужденно был остановлен, не доходя до станции. Рабочие с криком окружили паровоз и, стащив машиниста, увели его на митинг. Окружившая паровоз толпа кричала, что началась всеобщая забастовка и железнодорожное движение должно прекратиться. Делались попытки отцепить паровоз от поезда и выпустить пары, но благодаря охране жандармов и солдат это не удалось, и толпа ограничилась угрозами.

Вскоре на полотне железной дороги показалась вызванная из Перми полусотня казаков 7-го Уральского казачьего полка под командой хорунжего Астраханкина. Тогда из толпы, из окон недостроенного корпуса завода и из нескольких ближних домов раздались выстрелы. Казаки стали разгонять толпу нагайками, рабочие бежали, «при чем человек 5 отбежав от станции остановились и стали из револьверов стрелять в казаков». Около 4 часов дня поезд был благополучно отправлен дальше, казаки вернулись в Пермь.

Вечером того же дня по улице селения стали ходить группы вооруженных рабочих и, набрасываясь на полицейских чинов, насильно отнимали у них шашки и револьверы.

13 декабря 1905 г., по версии советских историков происходили главные события декабрьского Мотовилихинского вооруженного восстания. Этому дню также посвящена всем известная пермякам диорама. Что же на ней изображено?

Большая улица (ныне ул. 1905 года) перегорожена баррикадой. К ней прорываются шестеро казаков: первые три уже вступили в рукопашную схватку с окружившей их группой рабочих. Рабочие - усатые и бородатые люди бьют казаков оглоблями и металлическими палками, почти в упор стреляют в них из револьверов и охотничьих ружей. Десятка полтора догадалось засесть за баррикадой и стреляют оттуда - метров с 10-15. Казаки рубят рабочих шашками, один пытается

перезарядить карабин, но нашедший рабочий не дает этого сделать. Взрыв ручной бомбы, которую метнул убегающий от казаков человек.

Заметен разительный контраст между тем, что нам преподносит диорама, и картиной, рисуемой в официальных документах.

Согласно обвинительному акту, 13 декабря на заводе №5 проходила многолюдная сходка. Среди ораторов был помощник присяжного поверенного Трапезников, который призывал к свержению существующего правительства, указывая, что оно стоит на краю банкротства.

Ввиду заметного волнения среди служащих и рабочих помощником исправника Правохенским были вытребованы из Перми казаки и пехота. Около

11 часов дня 13 нижних чинов Ирбитского батальона возвращались домой с караула порохового погреба; когда они проходили через базарную площадь, толпа рабочих «набросилась на них и из среды ее раздалось около 5 выстрелов», солдаты взяли винтовки «на изготовку», после чего толпа разбежалась, взвод пошел дальше и на Большой улице встретил казаков, стоявших у дома, из которого слышались выстрелы. По приказанию командира сотни, упомянутый взвод пехоты обстрелял этот дом.

Тем временем одна полусотня казаков под командой хорунжего Астраханкина направилась к полотну железной дороги, очищая путь для почтового поезда. Около будки в казаков были произведены несколько выстрелов, причем был ранен один из нижних чинов. Другая полусотня под командой подьесаула Полозова шла сзади. Когда она подошла к станции, из дома около вокзала по казакам был открыт огонь и в то же время из завода выбежали человек 20 рабочих, открывших у двери «Малой Проходящей» стрельбу из ружей и револьверов. Часть казаков спешили и открыли ответный огонь, затем, бросившись за бежавшими, ворвались во двор завода, рабочие разбежались отстреливаясь, причем некоторые из них скрылись в оружейную фабрику №1. Когда казаки проходили мимо лавки потребительского общества, в них произведен был залп; точно так же несколько залпов были произведены на Большой улице; кроме того, одиночные выстрелы и вообще беспорядочная стрельба раздавались из дворов и домов по казачьим разъездам.

В один из патрулей, разосланных по заводу, проходивших мимо оружейной №1, с вышки, находящейся под крышей, произведено было несколько выстрелов. Сопровождавший патруль надзиратель Бронских доложил об этом помощнику исправника Правохенскому, который в сопровождении полуроты солдат под командой штабс-капитана Масленникова прибыл к оружейной № 1. Когда солдаты проникли на чердак, скрывшиеся там рабочие закричали: «сдаемся, больше стрелять не будем». Рабочим было предложено выходить, в это время из глубины чердака раздался еще один выстрел, в свою очередь, солдаты произвели несколько выстрелов в разные стороны, после чего засевшие на чердаке стали сдаваться.

Во время перестрелок со стороны «восставших» рабочих убито и умерло от ран 5 человек и ранено 30, казаков было ранено двое [19].

Собственно, баррикадных боев 13 декабря вообще не зафиксировано: боевики несколько раз обстреливали казаков из укрытий с большого расстояния, а при их приближении сразу же убегали. С одной стороны вреда от такой стрельбы почти не было, с другой стороны, казакам долго не удавалось никого поймать. Взрыв ручной бомбы, которую метнул изображенный на диораме убегающий от казаков человек, в документах не упомянут. Никаких бомб правительственные войска у восставших не заметили.

Главные руководители Мотовилихинского движения: Александр Лбов, Андрей Юрш и Александр Борчанинов скрылись и разысканы не были. Кузнецов был убит при задержании 3 января 1906 г.

В дальнейшем, 28 мая 1908 г., в Казанскую судебную палату от прокурора поступили следующие сведения: «Имею честь сообщить Судебной палате, что привлеченный в качестве обвиняемого к следствию о вооруженном восстании в Мотовилихинском заводе сельский обыватель Александр Михайлов Лбов, во исполнение приговора временного Военного суда в городе Вятке от 22 апреля сего года казнен в ночь на 2 сего мая в городе Вятке» [19, д.46, л. 312].

Всего по делу привлечены 51 человек. Защитниками подсудимых явились присяжные поверенные Наговицин и Падалка, а также помощник присяжного поверенного Желватых [19, д. 45, л. 21(об)]. Приговор в отношении всех обвиняемых был постановлен достаточно мягкий. Были применены наказания от 2 месяцев до 5 лет лишения свободы, при этом в отношении основной массы подсудимых наказания были менее 2 лет лишения свободы [19, д. 45, л. 32-36].

В качестве обвиняемого по данному делу привлекался также присяжный поверенный В.Н. Трапезников. Дело в отношении его было выделено в отдельное производство и рассмотрено 16 января 1909 г.

Защиту присяжного поверенного Трапезникова В.Н. осуществлял присяжный поверенный Курочкин [19, д. 45, л. 110].

Казанская судебная палата по особому присутствию, в публичном судебном заседании в г. Перми, под председательством председателя Департамента Л.С. Драверта, двух членов палаты и одного члена Пермского Окружного суда, при участии сословных представителей, секретаря и товарища прокурора палаты признала Трапезникова невиновным: «подсудимого мещанина города Перми, Владимира Николаева Трапезникова, 31 года, признав невиновным во взведенном на него преступлении по недоказанности обвинения, считать по суду оправданным, судебные по делу издержки принять на счет казны, а вещественные доказательства оставить при деле» [19, д. 45, л. 112].

Заключение. Пермский Окружной суд открылся 1 сентября 1874 г. В ведении Пермского окружного суда состояли суды Красноуфимского, Кунгурского, Осинского, Оханского, Пермского, Соликамского и Чердынского уездов. К моменту создания Пермского окружного суда присяжной адвокатуры в округе суда фактически не существовало. Введение суда присяжных стало самой прогрессивной реформой в самодержавной России. Это отвечало общим принципам юридической ответственности, состязательности судебного процесса, гуманизма. Основной целью Совета присяжных поверенных было разрешение вопросов по дисциплинарным проступкам присяжных поверенных и создание единой корпорации адвокатов. Помимо своей профессиональной деятельности пермские адвокаты играли видную роль в общественно-политической жизни Пермской губернии. Кто-то был гласным городской думы, другие - попечителями женской гимназии и библиотеки и даже участвовали в восстании на Мотовилихинском заводе 1905 г.

Список литературы¹. ГАПК. Ф.

1. Оп.1. Д.1. Л. 2.
2. ГАПК. Ф.1. Оп.1. Д.1. Л. 7.
3. Пермские губернские ведомости. 1901. 19 мая.
4. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. СПб., 1887. Вып. 3. С. 6-7.
5. ГАПК. Ф.1 Оп.2. Д. 109. Л. 7-8.
6. Пермские губернские ведомости. 1905.

7. Пермские губернские ведомости. 1900. №110.
8. ГАПК. Ф.1. Оп.1. Д. 962. Л. 5-6.
9. Пермские губернские ведомости. 1899. №48-49.
10. ГАПК. Ф.11. Оп.1. Д. 136. Л. 47-48.
11. ГАПК. Ф.1. Оп.1. Д. 1561. Л. 6-9, 70-71.
12. Пермские губернские ведомости. 1906.
13. Пермские губернские ведомости. 1905.
14. Свод законов Российской Империи. Т. 16, кн.1, разд. 9, ст. 357-377. СПб., 1914.
15. ГАПК. Ф.1. Оп.1. Д. 3130. Л. 13-15.
16. НАРТ. Ф.52. Оп. 1. Д. 408. Л. 1 (об).
17. Смирнов В.Н. Адвокатура и власть: история взаимоотношений. С. 70-71.
18. Революционеры Прикамья. С. 386.
19. НАРТ. Ф.51. Оп.9. Д. 45. Л. 32-36.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: II ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 347.965(470.53) А.В. ЗАГВОЗКИН, зам. председателя коллегии адвокатов «Партнеры»

Адвокатская палата Пермского края, Коллегия адвокатов «Партнеры», г. Пермь, ул. Куйбышева, 4

Электронный адрес: gaius-caesar@mail.ru

КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-advokatury-permskoy-gubernii-1874-1917>